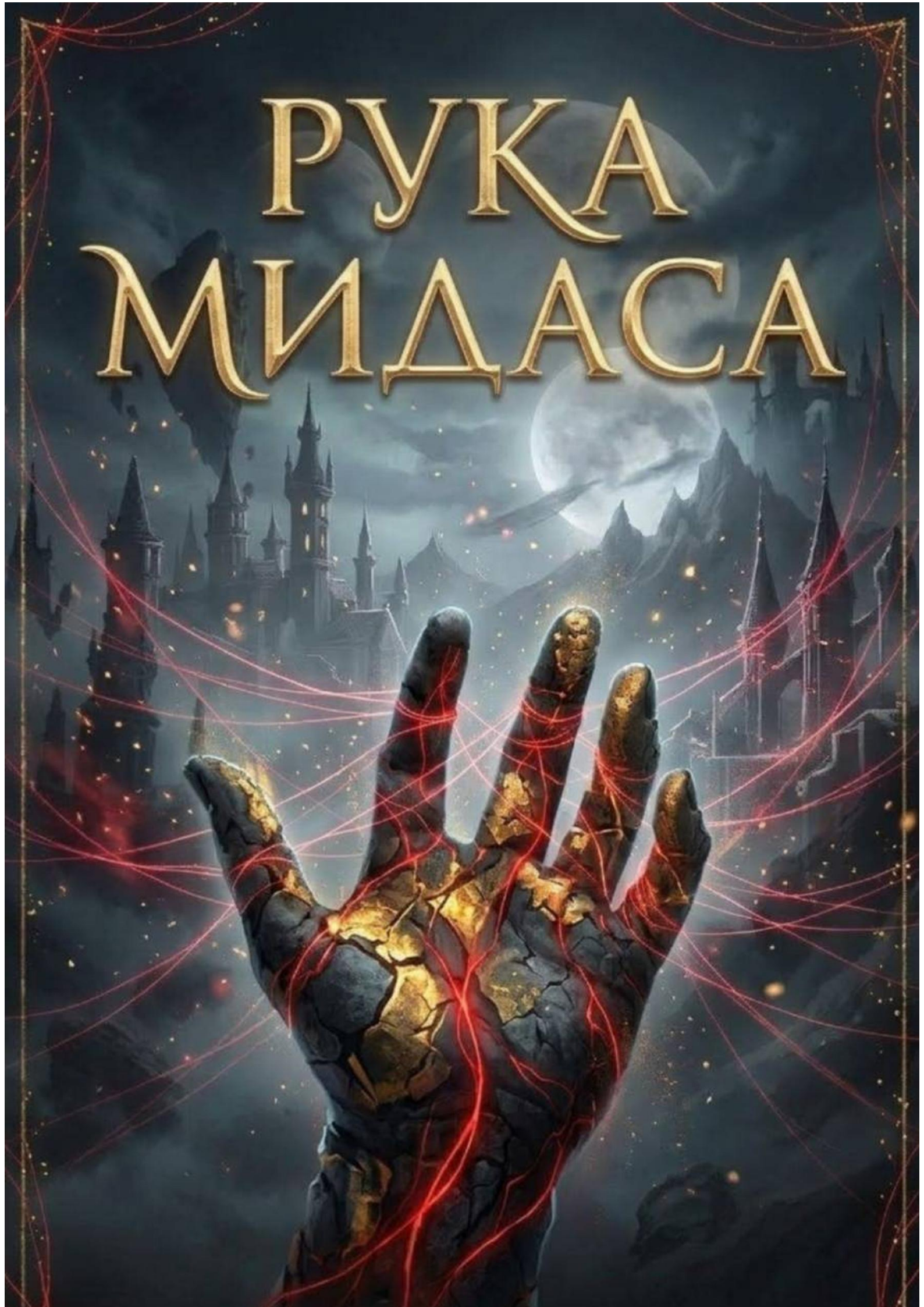
РУКА МИДАСА



Эрик Давтян

Рука Мидаса: Чужое небо

«Автор»
2026

Давтян Э.

Рука Мидаса: Чужое небо / Э. Давтян — «Автор», 2026

В его прошлой жизни не было нечего, кроме пустоты. В новой - за каждое чудо он платит кровью.Алексей умер от опухоли мозга, так и не узнав, что такое такое настоящая жизнь. Но смерть оказалась лишь дверью. Он переродился в мире, где магия вплетена в саму структуру реальности. Он умеет видеть "нити" мироздания и менять их.Теперь он - Алекс, девятилетний мальчик с глазами старого человека, застрявший в городе, который питается душами своих жителей.Сага "Рука Мидаса" - это история о том, как сломанный человек становится богом, чтобы разрушить ад, который построили другие.

© Давтян Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Чужая жизнь 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Эрик Давтян
Рука Мидаса: Чужое небо

Глава 1

Чужая жизнь

Будильник на телефоне сработал в шесть тридцать. Стандартный, резкий звонок, который я поставил ещё пять лет назад и так и не удосужился изменить. Я открыл глаза и несколько секунд смотрел в потолок. Натяжной, белый, с единственным встроенным светильником, который давал холодный, безжизненный свет.

Рядом, уткнувшись лицом в подушку, спала Катя. Моя жена. Мы спали на одной кровати уже три года, но между нами всегда оставалось ровно двадцать сантиметров свободной простыни. Эта невидимая граница была важнее любых слов. Если я случайно касался её во сне, она вздрагивала и отодвигалась ещё дальше. Я делал то же самое.

Я тихо встал, стараясь не скрипнуть паркетом, и пошёл на кухню.

Моя жизнь была похожа на этот утренний ритуал: выверенная, предсказуемая и абсолютно пустая. Включить кофемашину. Достать из холодильника контейнер с вчерашним ужином. Посмотреть в окно на серую, ноябрьскую Москву, где дома на соседних улицах терялись в низком, грязном небе.

Мне тридцать лет. У меня есть квартира в спальном районе, машина в кредите, должность руководителя отдела в компании моего отца и жена, которую выбрала моя мать. У меня есть всё, что полагается иметь успешному мужчине. И у меня нет ничего.

Я знал, как устроен мир. Я всегда знал. С самого детства я схватывал информацию на лету, видел закономерности там, где другие их не замечали, и мог решить любую задачу, если бы захотел. Но в какой-то момент — кажется, лет в тринадцать — я понял, что не хочу ничего решать. Зачем напрягаться, если результат всё равно не принесёт радости? Зачем бежать, если финишная черта ведёт в ту же самую серую комнату?

Я потерял мотивацию, но сохранил способность видеть всё насквозь. И именно это знание делало мою жизнь невыносимой. Я видел фальшь в улыбках коллег, видел расчёт в глазах Кати, видел разочарование в глазах отца, который ждал от меня амбиций, а получал лишь безупречное, механическое выполнение обязанностей.

— Ты опять не спал? — голос Кати прозвучал со стороны коридора. Она стояла в дверях кухни, кутаясь в шелковый халат. Её волосы были растрёпаны, но она всё равно выглядела так, будто только что сошла с обложки журнала. Красивая. Холодная. Чужая.

— Спал, — солгал я, делая глоток кофе. — Просто рано проснулся.

Она подошла, поцеловала меня в щёку — быстро, формально, как ставят печать в документе.

— Я сегодня задержусь, — сказала она, открывая холодильник. — У нас отчётность в конце месяца. Не жди ужин.

— Хорошо, — ответил я. — У меня тоже переработка.

Мы оба знали, что я не задержусь на работе, а она не будет делать отчётность. Но мы продолжали играть в эту игру, потому что признать правду было слишком страшно. Правда заключалась в том, что нам не о чем говорить. Что мы два человека, которые случайно забрели не в свою жизнь и теперь боятся из неё выйти.

Офис компании находился в центре, в стеклянной башне, которая сверкала на солнце, как осколок льда. Я поднялся на свой этаж, кивнул секретарю, прошёл в кабинет.

Всё было как всегда. Отчёты, совещания, цифры. Мой отец построил эту империю с нуля, и он всегда смотрел на меня с лёгким, скрытым презрением. Он видел, что я умнее его, но считал меня слабым. «У тебя нет хватки, Лёша», — говорил он, разваливаясь в своём кожаном кресле. «Ты слишком много думаешь и слишком мало делаешь».

Он был прав. Но он не понимал, что я не делаю ничего, потому что не вижу в этом смысла. Зачем строить ещё один офис? Зачем зарабатывать ещё один миллион? Кому это нужно?

В обед я вышел из здания, чтобы купить сэндвич. На улице моросил противный дождь, смешанный с мокрым снегом. Люди спешили мимо, пряча лица в воротники. Я смотрел на них и чувствовал себя призраком. Я мог исчезнуть прямо сейчас, и мир даже не заметил бы этого. Офис продолжил бы работать, Катя нашла бы другого, отец купил бы себе новую яхту, чтобы заглушить разочарование.

И тут я увидел её.

Она стояла на другой стороне улицы, под зонтом, и ждала, пока переключится светофор. Короткое тёмное пальто, рыжий шарф, выбившаяся из-под шапки прядь волос.

Аня.

Моё сердце пропустило удар. Не метафорически — я физически почувствовал, как оно остановилось на секунду, а потом забилось где-то в горле.

Анна. Девушка, которую я любил. Девушка, которую я предал.

Свет переключился, и она шагнула на зебру, даже не посмотрев в мою сторону. Я стоял, прижав к груди остывший сэндвич, и смотрел ей вслед, пока её фигура не растворилась в толпе.

В голове мгновенно всплыло всё. Университет. Библиотека. Парк на Чистых прудах. Её смех, который заставлял меня забывать о своей вечной апатии. Её руки, которые всегда были тёплыми, даже в самый сильный мороз.

Мы были счастливы. По-настоящему, до боли в груди счастливы. Но потом в нашу жизнь вмешались мои родители.

— Она из простой семьи, Лёша, — говорила мать, сидя за столом, накрытым белой скатертью. — У неё нет связей. У неё нет будущего. Ты погубишь свою карьеру, если свяжешься с ней.

— Ты должен думать о наследии, — вторил отец. — Мы строим империю. Кто будет ею управлять, если ты выберешь какую-то... учительницу?

Я не стал бороться. Я просто сдался. Как сдавался всегда, когда на меня давили. Я сказал Ане, что нам нужно расстаться. Я видел, как в её глазах гаснет свет. Она не плакала, не кричала. Она просто кивнула и сказала: «Я поняла. Прощай, Лёша».

С тех пор прошло семь лет. Семь лет я жил в стеклянном аквариуме, который построили для меня родители. И всё это время я думал о ней.

В тот день случилось нечто странное. Впервые за последние несколько месяцев мой телефон не зазвонил в семь вечера с требованием отца или Кати. Начальник отдела, которому я подчинялся, внезапно ушёл на больничный, и я оказался свободен.

Я не хотел идти домой. В пустой квартире меня ждали только тишина и бутылка вина, которую я купил по дороге, чтобы заглушить мысли. Но пить в одиночестве было тошно.

Я свернул в переулок, где недавно открылась новая кофейня. Я никогда там не был, но сегодня мне хотелось чего-то нового. Хоть какого-то изменения в этой застывшей картине мира.

Внутри пахло жареным кофе и корицей. Было тепло, играл тихий джаз. За стойкой стояла девушка в чёрном фартуке. Она спиной мыла кофемашину.

— Добрый вечер, — сказал я, садясь на высокий стул у барной стойки. — Мне, пожалуйста, двойной эспрессо. И... что у вас есть из десертов?

Девушка обернулась, вытирая руки полотенцем.

— У нас есть чизкейк, эклеры и...

Она замолчала. Полотенце выпало из её рук и тихо шлёпнулось на пол.

Я замер. В ушах зазвенело, как будто кто-то ударил по натянутой струне.

Передо мной стояла Аня.

Она постриглась, её лицо стало чуть более взрослым, под глазами залегли лёгкие тени усталости. Но это были те же глаза. Тёплые, карие, с маленькими золотистыми вкраплениями вокруг зрачков. Те самые глаза, в которых я когда-то утонул и из которых так трусливо выбрался.

— Лёша? — прошептала она. Её голос дрогнул.

— Аня, — выдохнул я. Я не мог пошевелиться. Я чувствовал, как кровь отливает от лица. — Это... это ты.

Она медленно наклонилась, подняла полотенце, но не отводила от меня взгляда. В её глазах читался целый шквал эмоций: шок, боль, неверие, и что-то ещё, что заставило моё сердце сжаться в холодный комок.

— Да, — тихо сказала она. — Это я.

Время в кофейне словно остановилось, загустело, как остывающая смола. Джаз, игравший из скрытых в потолке колонок, вдруг стал оглушительно громким, а запах корицы и жареного кофе — приторно-сладким, вызывающим лёгкое головокружение.

Аня медленно наклонилась, подняла с пола полотенце. Её движения были чуть более резкими, чем обычно, выдавая внутреннее напряжение. Она вытерла руки, хотя они уже были сухими, и положила полотенце на стойку.

— Двойной эспрессо, — повторила она, и её голос наконец обрёл твёрдость, хотя в глубине всё ещё дрожала та самая нота, которая заставила моё сердце сжаться. — И чизкейк. У нас сегодня отличный чизкейк, Лёша.

Она произнесла моё имя так, будто пробовала его на вкус. Будто за последние семь лет оно стало для неё чем-то инородным, забытым словом из мёртвого языка.

— Да, — хрипло отозвался я, сглатывая ком в горле. — Спасибо.

Она повернулась к кофемашине. Я смотрел на её спину, на то, как напряжены плечи под тонкой тканью блузки, как ловко, но механически её пальцы нажимают на кнопки. Я знал эти пальцы. Я помнил, как они переплетались с моими, когда мы гуляли по набережной в октябре, пряча руки в один большой шерстяной шарф. Я помнил, как они дрожали, когда она сдавала последний экзамен на пятом курсе.

Теперь эти пальцы просто делали кофе. Для меня.

Она поставила передо мной маленькую белую чашку и тарелку с безупречным треугольником десерта.

— С тебя восемьсот рублей, — сказала она, не поднимая глаз.

Я достал телефон, приложил его к терминалу. Писк, зелёная галочка. Транзакция завершена. Самая дорогая покупка в моей жизни.

— Аня, — начал я, и она замерла, подняв на меня взгляд. — Как ты?

Она усмехнулась. Криво, без радости.

— Живу. Работаю. Плачу ипотеку. А ты? Судя по часам и пальто, у тебя всё хорошо.

Я посмотрел на свои руки, лежащие на холодной мраморной столешнице. На безымянном пальце левой руки блестело простое золотое кольцо. Символ. Клеймо. Печать на договоре купли-продажи моей души.

— У меня всё по плану, — тихо сказал я. — Как и было запланировано.

В её глазах мелькнуло что-то острое. Боль? Разочарование? Или просто усталость от того, что она всё поняла без слов.

— Я рада, Лёша, — произнесла она, и в этом «рада» было больше яда, чем в любом проклятии. — Правда. Радуйся этому.

К двери кофейны вошёл новый клиент — мужчина в мокрой куртке, отряхивающий зонт. Аня тут же переключилась, её лицо приобрело вежливую, дежурную маску.

— Добрый вечер! Что будете заказывать?

Я понял, что меня здесь больше нет. Я стал просто ещё одним клиентом, ещё одной строчкой в кассовом аппарате. Я взял чашку. Эспрессо был горячим, обжигающим, но я сделал глоток, не обращая внимания на боль. Он был горьким. Идеально горьким.

Я доедал чизкейк в полном молчании, глядя в окно на тёмные силуэты прохожих. Аня обслуживала людей, смеялась над чьими-то шутками, взбивала молоко. Она была частью этого мира. Живая, настоящая, пульсирующая. А я сидел за стеклом, как насекомое в янтаре.

Когда я встал, чтобы уйти, она снова посмотрела на меня. Всего на секунду.

— Береги себя, Лёша, — сказала она тихо, так, чтобы не услышал мужчина с капучино.

— И ты, — ответил я. Но я знал, что это ложь. Я не буду себя беречь. Мне было уже всё равно.

Улица встретила меня ледяным ветром. Ноябрьский воздух был тяжёлым, пахло мокрой листвой, выхлопными газами и приближающимся снегом. Я шёл, не чувствуя холода, который пробирался сквозь кашемировое пальто.

В голове роились мысли, но они были обрывочными, как кадры испорченной плёнки. Она постриглась. У неё появилась новая привычка поправлять волосы за ухом. Она больше не носит тот серебряный браслет с подвеской в виде книги, который я подарил ей на день рождения.

Я шёл к метро, но на перекрёстке вдруг свернул в сторону своего района. Я не хотел домой. Но ноги несли меня туда, где меня ждала пустая квартира, бутылка вина и тишина. Привычный маршрут. Привычная клетка.

Дорога заняла около сорока минут. Я шёл медленно, наблюдая за жизнью города. Молодая пара бежала к автобусу, держась за руки и смеясь. Пожилой мужчина выгуливал огромного, лохматого пса, который радостно рылся в куче мокрых листьев. Подростки в наушниках, уткнувшись в телефоны.

Я смотрел на них и чувствовал себя исследователем, попавшим на чужую планету. Биология та же, среда та же, но что-то фундаментальное отсутствовало во мне. Тот самый внутренний двигатель, который заставлял этих людей бежать, смеяться, любить, мерзнуть и надеяться. У меня его не было. Он сломался много лет назад, и я даже не пытался его починить.

Наш двор встретил меня привычной картиной: покосившаяся детская площадка, три припаркованных «Жигуля», тусклый свет фонаря, который мигал с ритмичностью умирающего сердца. Я поднял голову на окна своей квартиры. Пятый этаж. Третье окно слева.

Там горел свет.

Я нахмурился. Катя писала, что задержится допоздна. Обычно в это время квартира была тёмной, как склеп. Я достал ключи из кармана, металл неприятно холодил пальцы.

Подойдя к подъезду, я остановился.

Возле моей парковки, там, где обычно стоял мой кроссовер (который я оставил у офиса), был припаркован чужой автомобиль. Тёмный, грязный внедорожник с тонированными стёклами. Он стоял так, будто владелец не собирался уезжать. Двигатель был заглушен, но из выхлопной трубы всё ещё шёл слабый пар, растворяющийся в морозном воздухе.

Странный холод пробежал по спине. Не страх. Скорее, смутное, липкое предчувствие. То самое чувство, когда ты стоишь на краю обрыва и знаешь, что сейчас оступишься, но не можешь заставить себя отойти.

Я вошёл в подъезд. Лифт, как всегда, не работал. Я медленно поднялся по лестнице, считая ступени. Первый пролёт. Второй. Третий. Четвёртый. На пятом этаже я остановился перед своей дверью.

Тишина.

Но нет. Прислушавшись, я услышал звук. Тихий, приглушённый тяжёлой входной дверью. Смех. Женский смех. Кати.

Я никогда не слышал, чтобы она так смеялась. Её смех в нашем доме был редким гостем, обычно это было вежливое, сдержанное хихиканье по телефону с подругами или дежурная улыбка в адрес моих родителей. Этот же звук был низким, грудным, искренним. И в нём не было места для меня.

Я вставил ключ в замок. Рука не дрожала. Удивительно, но моё тело реагировало на этот стресс абсолютным, ледяным спокойствием. Щелчок. Дверь поддалась.

В прихожей пахло не нашим привычным нейтральным ароматом диффузора с сандалом. Пахло дорогим мужским парфюмом, табаком и вином.

На коврике, рядом с её туфлями на каблуке, стояли тяжёлые мужские ботинки. Сорок пятый размер. Грязные, в засохшей грязи.

Я медленно, стараясь не скрипнуть паркетом, прошёл в коридор. Дверь в спальню была приоткрыта. Из щели пробивался тёплый, желтоватый свет торшера.

Я подошёл ближе. Остановился в шаге от двери.

— ...да брось ты, — говорил низкий, хриплый мужской голос. — Всё равно он ничего не поймёт. Он же как робот. Пришёл, поел, лёг.

— Не говори так, — ответила Катя. Её голос был мягким, тягучим. Я не узнавал её. — Он просто... устал. У него сложная работа.

— Сложная работа, — фыркнул мужчина. — Он просто скучный, Кать. Ты заслуживаешь большего. Ты заслуживаешь того, кто будет тебя хотеть.

Раздался звук поцелуя. Громкий, чавкающий, непристойный в этой стерильной, идеальной квартире.

Я стоял и смотрел на полоску света на полу. В моей голове не было ни вспышки гнева, ни желания ворваться туда, ни мысли о том, чтобы достать со стены бейсбольную биту, которую мы купили для антуража и ни разу не использовали.

В моей голове была только тишина.

Абсолютная, звенящая, вакуумная тишина.

Я смотрел на этот свет и чувствовал, как внутри меня лопается последняя ниточка, которая держала меня в этом мире. Та самая ниточка, которая заставляла меня вставать по утрам, платить по счетам, кивать отцу, целовать Катю в щёку.

Она лопнула. И стало так легко.

Я сделал шаг назад. Потом ещё один. Развернулся.

В этот момент в спальне что-то упало — возможно, бокал, потому что раздался звон разбитого стекла.

— Ой, блин, — рассмеялась Катя. — Сейчас всё уберу. Не двигайся.

Я тихо, почти на цыпочках, дошёл до входной двери. Открыл её. Вышел в подъезд. Закрыл за собой, аккуратно прижав ручку, чтобы не щёлкнул замок.

Я спускался по лестнице, и только на третьем этаже моё тело наконец начало реагировать.

Сначала это был просто шум в ушах. Тонкий, высокий писк, который быстро перерос в гул, похожий на взлетающий самолёт. Потом мир перед глазами поплыл. Стены подъезда, покрытые дешёвой зелёной краской, начали дышать, расширяясь и сужаясь.

Я ухватился за перила. Металл был холодным и скользким.

«Надо вызвать скорую», — подумал я отстранённо, как будто это касалось кого-то другого. — «У меня инсульт. Или инфаркт».

Но я знал, что это не так. Я знал это с того самого момента, когда увидел чужую машину во дворе.

Резкая, невыносимая боль пронзила правый висок. Она была не похожа на обычную головную боль. Это было ощущение, будто кто-то вбил в мой череп раскалённый гвоздь и медленно, с наслаждением, проворачивает его.

Я споткнулся на последней ступеньке. Ноги подкосились. Я рухнул на холодный бетонный пол подъезда, даже не успев смягчить падение руками.

Щека прижалась к грязному, посыпанному песком полу. Я чувствовал запах сырости, старого мусора и кошачьей мочи.

Боль в виске пульсировала, отдавая в глазницу, в челюсть, в шею. Я попытался закричать, но из горла вырвался только сухой, хриплый кашель.

Сознание начало отключаться. Темнота подступала с краёв зрения, сужая мир до маленькой, дрожащей точки.

Я лежал на полу подъезда своего дома, в пяти минутах от женщины, которая меня предавала, и в тысячах световых лет от девушки, которую я предал сам.

И в этот момент, когда холодный бетон впитывал тепло моего тела, я подумал о том, как это иронично. Я всю жизнь боялся сделать неправильный выбор. Я всю жизнь пытался контролировать каждую переменную, чтобы не упасть.

А в итоге я просто лежал на грязном полу, и мне было абсолютно, бесконечно всё равно.

Точка перед глазами погасла.

Шум в ушах оборвался.

Наступила темнота. Настоящая. Глубокая. И на этот раз — навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.